

АССАСИНЫ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ

ОРДЕН
ТАЙНЫХ
УБИЙЦ

Подробно и увлекательно
рассказывается о возникновении,
победе и внезапном
исчезновении веры ассасинов.

New Yorker

Б Е Р Н А Р Д Л Ь Ю И С

Бернард Льюис

**Ассасины. Средневековый
орден тайных убийц**

«Центрполиграф»

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)

Льюис Б.

Ассасины. Средневековый орден тайных убийц / Б. Льюис —
«Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5588-7

Ученый с мировым именем, специалист по истории ислама, Ближнего Востока и взаимоотношений между исламом и Западом, профессор Принстонского университета Бернард Льюис в настоящей книге прослеживает историю радикальной исламской секты, ассасинов, явившейся первой группировкой людей, которые начали использовать убийство в качестве политического оружия. Упрочившись в Иране и Сирии в XI и XII веках, они поставили перед собой цель – свергнуть существовавший суннитский порядок в исламе и заменить его своим собственным, терроризируя своих врагов страшными убийствами лидеров ислама и некоторых крестоносцев, из-за чего в Европе и стали известны их название и репутация. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-9524-5588-7

© Льюис Б.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Бернард Льюис

Ассасины. Средневековый орден тайных убийц

BERNARD LEWIS
THE ASSASSINS
A RADICAL SECT IN ISLAM

© Перевод на русский язык, ЗАО «Центрполиграф», 2021
© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2021

Глава 1

Об ассасинах узнают в Европе

В 1332 году, когда король Франции Филипп VI обдумывал новый крестовый поход, чтобы отвоевать утраченные христианские святыне, немецкий священник Броккардус (Буркар – *фр.*) написал трактат, в котором изложил королю свои наставления и советы для его проведения. Броккардус, который прожил некоторое время в Армении, значительную часть своего трактата посвятил специфическим опасностям такой экспедиции на Восток и необходимым мерам предосторожности, чтобы избежать их. Среди таких опасностей, писал Броккардус, «я называю ассасинов, которых следует проклясть и бежать от них. Они продают свои услуги за деньги, жадны до человеческой крови, убивают невинных за мзду и ни во что не ставят ни жизнь, ни спасение. Подобно дьяволу они преображаются в ангелов света, подражая жестам, одежде, языкам, обычаям и поступкам различных народов; и таким образом, как волки в овечьих шкурах, они встречают смерть, как только бывают узнаны. Так как я в действительности ни разу не видел их, но знаю о них лишь по общему мнению или достоверным описаниям, я не могу сообщить больше или дать более полные сведения. Я не могу указать, как узнавать их по их обычаям или каким-то другим признакам, так как они не известны ни мне, ни кому бы то ни было. И я не могу сказать, как распознать их по имени, настолько отвратительно их занятие и презираемо всеми, что они скрывают свои имена, как только могут. Поэтому я знаю лишь один-единственный способ обезопасить и защитить короля, способ, который состоит в том, чтобы в королевское окружение для любой службы, какой бы маленькой, недолгой или ничтожной она ни была, не допускался бы никто, за исключением тех людей, чья родина, происхождение, состояние и личность наверняка, полностью и в подробностях известны».

Для Броккардуса ассасины – это наемные тайные убийцы, обладающие особыми умениями и поэтому опасные. И хотя он называет их одной из опасностей, подстерегающей на Востоке, он прямо не связывает их с каким-либо конкретным местом, сектой или народом и не приписывает им никаких религиозных верований или политических целей. Для него они просто безжалостные и умелые убийцы, которых следует остерегаться. Действительно, к XIII веку слово «ассасин» в различных формах уже вошло в употребление в Европе в общем значении «наемный профессиональный убийца». Флорентийский летописец Джованни Виллани, умерший в 1348 году, рассказывает, как правитель Лукки отправил «своих ассасинов» (*i suoi assassini*) в Пизу, чтобы убить находившегося там своего врага, доставлявшего ему много проблем. Еще раньше Данте в мимолетной ссылке в 19-й песне «Ад» своей «Божественной комедии» пишет о «вероломном ассасине» (*lo perfido assassin*). Франческо да Бути написал в XIV веке комментарии к ней и, объясняя слово, которое для некоторых читателей того времени все еще могло быть чужим и непонятным, замечает: «*Assassino e colui che uccide altrui per danari*» (ассасин – это тот, кто убивает других за деньги). С той поры слово «ассасин» стало встречаться в большинстве европейских языков. Оно означает убийцу, особенно такого, который убивает скрытно или предательски, выбирая жертвой какого-нибудь общественного деятеля, побуждаемый фанатизмом или жадностью.

Так было не всегда. Это слово впервые появляется в летописях крестовых походов как обозначение группы необычных мусульман-сектантов в Леванте, возглавляемых таинственным человеком, известным как Старец Горы, и вызывавших отвращение своими верованиями и действиями в равной степени у правоверных христиан и мусульман. Одно из самых первых описаний этой секты появляется в отчете посланника, отправленного в Египет и Сирию в 1175 году императором Фридрихом Барбароссой. Он пишет: «Обратите внимание, что в пределах Дамаска, Антиохии и Алеппо существует некий проживающий в горах народ сарацинов, кото-

рых на местном наречии называют Heysseini, а на римском языке – *seignors de montana*. Это племя людей живет без законов; они едят свинину вопреки законам сарацинов и пользуются всеми женщинами без разбора, включая своих матерей и сестер. Они живут в горах и почти неуязвимы, потому что прячутся в хорошо укрепленных крепостях. Их край не очень плодороден, поэтому они живут тем, что разводят скот. У них есть вождь, который внушает страх всем сарацинским властителям повсюду, а также всем соседним христианским владыкам, потому что у него есть обыкновение убивать их поразительным образом. Вот как это делается. Этот вождь владеет в горах многочисленными и чрезвычайно красивыми дворцами, окруженными очень высокими стенами, так что в них можно войти только через небольшую и очень хорошо охраняемую дверь. В этих дворцах живут во множестве сыновья его крестьян, которых воспитывают там с раннего детства. По его приказу их обучают разным языкам – латыни, греческому, римскому, сарацинскому и многим другим. Этих молодых людей с самых ранних лет до зрелости наставники учат повиновению владыке их края, любому его слову и приказу; и если они так будут делать, то он, обладающий властью над всеми сущими богами, даст им все радости рая. Им также внушают, что им не спастись, если хоть в чем-то они окажут сопротивление его воле. Обратите внимание, что с того времени, когда их забирают из дома детьми, они не видят никого, кроме своих наставников и учителей, и не получают никакого другого обучения до тех пор, пока их не призывают предстать перед Владыкой, чтобы получить указания убить кого-то. Когда они предстают перед ним, он спрашивает их, готовы ли они повиноваться его приказам, чтобы он мог одарить их радостями рая. После этого они получают указания, не высказывая никаких возражений или сомнений, бросаются к его ногам и с жаром отвечают, что будут повиноваться ему во всем. Тогда Владыка дает каждому из них золотой кинжал и посылает убить того правителя, которого он наметил».

Спустя несколько лет архиепископ Тира Уильям включил краткий рассказ об этой секте в написанную им историю государств, участвовавших в крестовых походах: «В провинции Тир, иначе называемой Финикией, и в епархии Тортоса живет народ, у которого есть десять мощных замков с зависимыми деревнями; его численность, по слухам, составляет около шестидесяти тысяч человек или более. У них существует обычай ставить над собой правителя и выбирать себе вождя не по праву наследования, а исключительно по его заслугам и добродетелям. Пренебрегая другими достойными титулами, они называют его Старцем. Узы подчинения и повиновения, которые связывают этих людей с их Вождем, настолько крепки, что нет такого тяжелого, трудного или опасного задания, которое любой из них не выполнил бы с величайшим рвением по приказу этого Вождя. Если, например, есть правитель, которого ненавидит или которому не доверяет этот народ, то Вождь дает кинжал одному или нескольким своим последователям. И тот, кто получает приказ, немедленно приступает к выполнению своей миссии, не думая ни о последствиях своего деяния, ни о возможности скрыться с места преступления. Полный рвения выполнить полученное задание, он прикладывает все усилия и трудится так долго, сколько может понадобиться, до тех пор, пока случай не даст ему возможность осуществить приказ своего владыки. И наши люди, и сарацины называют их ассасинами; происхождение этого названия нам не известно».

В 1192 году кинжалы ассасинов, которыми уже был убит ряд мусульманских правителей и военных, нашли свою первую жертву среди крестоносцев, которой стал Конрад Монферратский – король Иерусалима. Это убийство произвело глубокое впечатление на крестоносцев, и в большинстве летописей о Третьем крестовом походе говорится о вселяющих страх секантах, их необычных верованиях, ужасных способах убийства и их грозном Вожде. «Сейчас я расскажу кое-что об этом Старце, – пишет немецкий летописец Арнольд Любекский, – который кажется смешным, но о котором рассказывают свидетели, на чьи слова можно положиться. Этот Старец своими колдовскими чарами настолько заморочил людей своей страны, что они не поклоняются и не верят ни в какого другого бога, кроме него. Он также необычным образом

увлекает их надеждами и обещаниями наслаждений и вечной радости настолько, что они предпочитают скорее умереть, чем продолжать жить. Многие из них даже готовы, стоя на высокой стене, прыгнуть вниз по его кивку или приказу и, разбив себе голову, принять жалкую смерть. Самые благословенные, по его словам, те, которые проливают кровь людей и в отместку за свои деяния сами принимают смерть. Вот почему, когда кого-либо из них выбирают умереть таким образом – ловко убить кого-то, а затем погибнуть такой благословенной смертью, как месть за убитого, Старец сам вручает им ножи, освященные, так сказать, для этой цели, а затем одурманивает их таким зельем, что они погружаются в экстаз и забытие, показывает им благодаря своему колдовству фантастические видения, полные наслаждений и радостей или, скорее, всякой мишуры, и обещает им вечное владение всем этим в награду за их деяния».

Сначала именно фанатическая преданность, нежели жестокие методы ассасинов, поражали воображение европейцев. «Вы имеете надо мной больше власти, – говорит провансальский трубадур даме своего сердца, – чем Старец над своими ассасинами, которых он отправляет убивать своих смертельных врагов...» «Подобно тому, как ассасины безотказно служат своему хозяину, – говорит другой трубадур, – и я служил Любви с непоколебимой верностью». В анонимном любовном письме автор уверяет свою возлюбленную: «Я ваш ассасин, который надеется обрести рай, выполняя ваши приказы». Однако со временем именно убийство, а не верность стало производить более сильное впечатление и придавать слову «ассасин» значение, которое оно сохранило и в наши дни.

По мере того как пребывание крестоносцев в Леванте все длилось, стало доступно все больше информации об ассасинах, и были даже европейцы, которые встречались и разговаривали с ними. Рыцарям-тамплиерам и госпитальерам удалось установить власть над замками ассасинов и собирать с них дань. Уильям из Тира описывает неудачную попытку Старца Горы сблизиться с королем Иерусалима, предложив ему заключить некую форму союза. Его преемник излагает несколько сомнительную историю о том, как графа Генриха Шампанского, возвращавшегося в 1198 году из Армении, принимал в своем замке Старец Горы, который приказал нескольким своим приспешникам прыгнуть вниз со стен и разбиться насмерть в назидание своему гостю, а затем гостеприимно предложил дать ему других своих людей для его надобностей: «И если существовал какой-либо человек, который причинил ему зло, то он должен был сказать ему, и тот убьет его». Несколько более правдоподобно английский историк Матвей Парижский сообщает о прибытии в 1238 году в Европу посольства от каких-то мусульманских правителей и, «самое главное, от Старца Горы»; посольство прибыло просить помощи у французов и англичан в борьбе с новой нависшей угрозой со стороны монголов с востока. К 1250 году, когда Людовик Святой возглавил крестовый поход в Святую землю, у него появилась возможность обмениваться подарками и миссиями со Старцем Горы, который правил в то время. Говоривший по-арабски монах Иво Бретонский сопровождал посланцев короля к ассасинам и обсуждал религиозные вопросы с их вождем. В его отчете сквозь туман невежества и предвзятости можно смутно различить некоторые из известных вероучений исламской секты, к которой принадлежали ассасины.

Крестоносцам ассасины были известны только как некая секта в Сирии, и они почти не были осведомлены об их месте в исламе или их связях с другими такими группами в других мусульманских странах. Один из наиболее информированных в мусульманских делах авторов из числа крестоносцев – Жак де Витри, епископ Акры, – писал в начале XIII века, что эта секта возникла в Персии, но, видимо, ничего сверх этого он не знал. Однако во второй половине того века появилась новая правдивая информация о родительской секте в Персии. Первым человеком, рассказавшим о ней, был Вильям Рубрук – фламандский священник, посланный с миссией королем Франции ко двору Великого хана в Каракорум (Монголия) в 1253–1255 годах. Путь Вильяма пролегал через Персию, где, как он пишет, горы ассасинов примыкают к Каспийским горам южнее Каспийского моря. В Каракоруме Вильяма поразили замыслова-

тые меры предосторожности, принятые Великим ханом, когда он узнал, что под различными личинами были отправлены не менее сорока ассасинов убить его. В ответ хан послал одного из своих братьев с войском в страну ас-сасинов с приказом перебить их всех.

Слово, которым Вильям называет ассасинов в Персии, – *Muliech* или *Mulihet* – искаженный вариант арабского слова *mulhid*, множественное число – *malahida*. Этим словом, буквально означаящим «уклоняющийся», обычно называли религиозные секты, отклоняющиеся от основного течения ислама, а особенно это относилось к исмаилитам – религиозной группе, к которой принадлежали ассасины. Оно снова появляется в рассказе известного путешественника Марко Поло, проезжавшего через Персию в 1273 году и описавшего крепость и долину Аламут, которые долгое время были центром этой секты.

«Старца на их языке звали *ALOADIN*. Он приказал перегородить долину между двух гор и превратил ее в сад – самый большой и прекрасный сад, который кто-либо когда-нибудь видел и в котором можно было найти любые плоды. В этом саду были построены беседки и дворцы, самые изящные из всех, какие только можно вообразить, все покрытые позолотой и изысканными росписями. И там свободно текли ручьи, полные вина, молока, меда и воды; множество женщин и самых прекрасных девушек в мире, умевшие играть на всевозможных музыкальных инструментах, там пели и танцевали так очаровательно, что было сладостно взору. Ведь Старец хотел, чтобы его народ верил, будто это и в самом деле рай. Он создал его таким, каким его описал Магомет, то есть это должен был быть прекрасный сад, где текут ручьи вина, молока, меда и воды, полный привлекательных женщин для услаждения всех его обитателей. И действительно, сарацины тех мест верили, что это и есть рай!

Никому не разрешалось входить в этот сад, за исключением тех людей, которые должны были стать его *ASHISHIN*. У входа в сад стояла крепость, достаточно мощная, чтобы оказать сопротивление всему миру, и не было никакого иного способа проникнуть внутрь. При его дворе находились юноши из его страны в возрасте от двенадцати до двадцати лет, которым нравилась военная служба, и он рассказывал им о рае, как это делал Магомет, и они верили ему точно так же, как сарацины верили в Магомета. Затем он решал впустить их в свой сад по четыре, шесть или десять человек, предварительно дав им выпить некое снадобье, которое ввергало их в глубокий сон; и тогда их поднимали и вносили в сад, так что когда они просыпались, то оказывались в этом саду.

Когда они приходили в себя и обнаруживали, что находятся в таком чудесном месте, то считали, что это на самом деле рай. Женщины и девушки флиртовали с ними от души, и юноши получали от них все, что пожелают, так что по своей воле они ни за что не покинули бы это место.

Этот правитель, которого мы называем Старец, содержал большой и величественный двор, а своих простодушных горцев заставил поверить, что он – великий пророк. И когда он хотел послать одного из своих *Ashishin* с какой-либо миссией, то приказывал дать одному из юношей в саду то самое снадобье, о котором я упоминал, а затем перенести его в свой дворец. Так что, когда молодой человек просыпался, он оказывался уже в замке, а не в раю, чему был вовсе не рад. Затем его вели к Старцу; юноша склонялся перед ним с величайшим почтением, веря, что предстал перед истинным пророком. Правитель спрашивал его, откуда он пришел, и тот отвечал, что прибыл из рая и что он был именно таким, каким описал его Магомет в своем Законе. Разумеется, это вызывало у всех, кто стоял рядом и не был допущен в сад, огромное желание попасть туда.

Так что когда Старец хотел убить того или иного правителя, то говорил такому юноше: „Пойди и убей такого-то, и, когда ты вернешься, мои ангелы отнесут тебя в рай. А если ты умрешь, то все равно я pošлю своих ангелов перенести тебя назад в рай“. Он заставлял их поверить в это, и поэтому не было такого его приказа, ради исполнения которого они не подвергли бы себя любой опасности из-за огромного желания вернуться в этот рай. И таким обра-

зом Старец мог заставить своих людей убить любого человека, от которого хотел избавиться. А ужас, который он вселял во всех правителей, сделал их его данниками, чтобы он мог пребывать в мире и дружбе с ними.

Следует также сказать, что у Старца были подчиненные, которые копировали его и поступали точно так же, как он. Один из них был послан в Дамаск, а другой – в Курдистан».

Говоря о персидских исмаилитах как ассасинах и об их вожде как Старце, Марко Поло – или его писарь – использовал слова, уже известные в Европе. Однако они имеют сирийское происхождение, а не персидское. В арабских и персидских источниках ясно говорится, что «ассасин» – местное слово, применяемое только к сирийским исмаилитам, а не к персидским или какой-либо иной страны. Титул Старец Горы тоже был сирийским. Для исмаилитов было бы естественным называть своего вождя Старцем – у арабов это *Shaykh*, у персов *Pir* – широко распространенная формула уважения среди мусульман. Специфическое обозначение Старец Горы, по-видимому, было в обиходе только в Сирии и, возможно, исключительно среди крестоносцев, так как оно не фигурирует ни в одном арабском тексте того времени.

Употребление этих слов для обозначения и сирийской, и персидской ветвей этой секты стало общепринятым. Описание Марко Поло, за которым около полувека спустя последовал аналогичный рассказ Одорика Порденоне, усилило впечатление, которое сирийские ассасины произвели на европейцев. Рассказы о райских куцах, прыжках фанатиков-сектантов навстречу смерти, непревзойденном искусстве маскировки ассасинов и их ловкости в совершении убийств, таинственной фигуре их вождя – Старца Горы – находят множество отголосков в литературе европейских стран, перейдя из истории и отчетов о путешествиях в поэзию, художественную литературу и мифы.

Они оказали свое влияние и на политику. С самых давних времен находились такие люди, которые обнаруживали руку Старца Горы в политических убийствах или покушениях на убийства даже в Европе. В 1158 году, когда Фридрих Барбаросса осаждал Милан, в его лагере якобы был пойман ассасин; в 1195 году, когда король Ричард Львиное Сердце находился в Шиноне, были схвачены не менее пятнадцати так называемых ассасинов, которые признались, что были посланы королем Франции убить его. Вскоре такие обвинения стали частыми, и многих правителей или вождей обвиняли, что они вступили в союз со Старцем и пользуются услугами его тайных агентов с целью уничтожения мешающего врага. Едва ли можно сомневаться, что эти обвинения были безосновательными. Вождям ассасинов в Персии или Сирии не были интересны заговоры и интриги в Западной Европе; а европейцы не нуждались в помощи извне для совершения различных убийств. К XIV веку слово «ассасин» стало означать убийцу и уже не подразумевало никакой связи с сектой, к которой эти люди изначально относились.

Однако эта секта продолжала возбуждать интерес. По-видимому, первую на Западе попытку провести научное исследование ее истории сделал Дени Лебей де Батийи. Результаты были опубликованы в Лионе в 1603 году. Дата имеет большое значение. Языческая этика в эпоху Ренессанса вызвала возрождение убийства как политического орудия; религиозные войны подняли его на высоту праведного долга. Появление новых монархий, когда один человек мог определять политику и религию государства, сделало убийство видного политического или общественного деятеля эффективным и приемлемым оружием. Короли и прелаты были готовы нанимать убийц, чтобы убрать с дороги своих политических или религиозных соперников, а теоретики уже были готовы облечь голую логику насилия в благопристойную идеологическую оболочку.

Цель Лебея де Батийи была скромной – объяснить истинное историческое значение слова, которое приобрело новый смысл во Франции. Его исследование основано исключительно на христианских источниках и поэтому не сильно выходит за рамки того, что было известно в Европе в XIII веке.

Но даже без новой информации могли возникать новые точки зрения. Они, вероятно, могли легко появиться у поколения, на глазах которого Уильяма Нассау застрелил наемник короля Испании, короля Франции Генриха III заколол монах-доминиканец, а английская королева Елизавета была вынуждена спастись от своих предполагаемых убийц, получивших на это благословение.

Первый действительно существенный прогресс в раскрытии тайны происхождения и своеобразия асса-синов был достигнут в начале эпохи Просвещения. Это произошло в 1697 году благодаря публикации огромной «Восточной библиотеки» Бартеlemi д'Эрбело – первого произведения, в котором собрана большая часть научных знаний об истории, религии и литературе ислама, имевшихся в то время в Европе. Здесь впервые пытливый и не зашоренный догмами западноевропейский ученый воспользовался мусульманскими источниками – немногими известными в те времена в Европе – и попытался поместить персидских и сирийских ассасинов в более широкий контекст истории ислама. Он показал, что они принадлежали к исмаилитам – значимой раскольнической секте, являвшейся ответвлением шиизма; ссора шиитов с суннитами стала причиной серьезного раскола в исламе. Лидеры секты исмаилитов претендовали на звание имамов – потомков Исмаила ибн Джафара, а через него – пророка Мухаммеда по линии его дочери Фатимы и зятя Али. На протяжении XVIII века другие востоковеды и историки занимались этой темой и добавили новые подробности, относившиеся к истории, верованиям и связям ассасинов с их родительской сектой – исмаилитами. Некоторые авторы также пытались объяснить происхождение слова «ассасин», которое всеми считалось арабским, что, однако, не было подтверждено ни одним известным арабским текстом. Были предложены несколько вариантов этимологии этого слова, но никакой из них не был убедительным.

В начале XIX века произошел новый всплеск интереса к ассасинам. Французская революция и ее последствия возродили в обществе интерес к заговорам и убийствам. Экспедиция Бонапарта в Египет и Сирию привела к установлению более тесных связей с исламским Востоком и открыла новые возможности для изучения ислама. После нескольких попыток менее значимых авторов удовлетворить общественный интерес к этой теме обратился величайший исследователь арабского мира того времени Сильвестр де Саси и 19 мая 1809 года прочел в Институте Франции статью о династии ассасинов и этимологии этого слова.

Научная статья Сильвестра де Саси стала важной вехой в исследовании ассасинов. В добавление к немногим восточным источникам, которыми пользовались предыдущие исследователи, он получил возможность обратиться к богатой коллекции арабских рукописей, находившихся в Национальной библиотеке в Париже, включая несколько главных арабских летописей о крестовых походах, до той поры неизвестных западному научному миру. Выполненный им анализ источников полностью вытеснил все написанное предыдущими европейскими авторами. Безусловно, самой важной частью этой научной статьи было предложенное им раз и навсегда решение спорного вопроса о происхождении слова «ассасин». Изучив и отбросив предыдущие теории, он окончательно продемонстрировал, что это слово произошло от арабского слова *hashish*, и предположил, что вариативные его формы: *Assassini*, *Assissini*, *Heyssisini* и другие, встречающиеся в источниках, описывающих крестовые походы, были основаны на альтернативных арабских формах *hashish*! и *hashshash* (разговорные формы множественного числа – *hashishiyyin* и *hashshashin*). В подтверждение этого ему удалось привести в качестве доказательства несколько арабских текстов, в которых сектанты были названы *hashishi*, но ни в одном из них их не называли *hashshash*. После этого форма *hashishi* была подтверждена дополнительными текстами, увидевшими свет; но все же, насколько известно, нет такого текста, в котором исмаилиты были бы названы *hashshash*. Поэтому, по-видимому, от этой части объяснения Сильвестра де Саси следует отказаться, и все европейские варианты этого слова произошли от арабского *hashishi* и формы его множественного числа *hashishiyyin*.

Этот пересмотр снова поднимает вопрос о значении этого слова, отличном от этимологии. Первоначальное значение арабского слова hashish – «трава», особенно «сухая трава» или «фураж». Позднее оно стало обозначать индийскую коноплю *cannabis sativa*, наркотическое действие которой было уже известно мусульманам в Средние века. Hashshash – более современное слово, обозначающее человека, принимающего гашиш. Сильвестр де Саси не разделял мнение многих авторов, что ассасинов называли так, потому что они были наркоманами, тем не менее он объясняет, что это название они получили ввиду тайного применения гашиша лидерами этой секты: они давали его своим тайным агентам, чтобы те вкусили радостей рая, ожидавшего их после успешного выполнения своих миссий. Он связывает это толкование с историей, рассказанной Марко Поло, встречающейся также и в других восточных и западных источниках, о тайных «райских садах», в которые вводили одурманенных наркотиками приверженцев секты.

Несмотря на свое давнее возникновение и широкое хождение, этот рассказ – почти наверняка выдумка. Применение и действие гашиша уже были известны в те времена, и это не было тайной, но факты приема наркотиков членами секты не подтверждаются ни исмаилитскими, ни серьезными суннитскими авторами. Даже название hashish! употребляется только в Сирии и, возможно, является неправильно употребляемым простонародным словом. По всей видимости, именно оно дало повод к возникновению этого рассказа, а не наоборот. Из всех различных предложенных объяснений наиболее вероятным является то, что это слово выражало презрение к диким верованиям и экстравагантному поведению сектантов – это была насмешка над их поведением, а не описание их действий. Для западных наблюдателей в особенности такие рассказы могли служить разумным объяснением поведения, которое иначе было абсолютно необъяснимым.

Научная статья де Саси открыла дорогу для ряда дальнейших исследований по этой теме. Безусловно, самой широко читаемой была «История ассасинов», написанная австрийским востоковедом Йозефом фон Хаммером и опубликованная в Германии в городе Штутгарте в 1818 году, а во французском и английском переводах – в 1833 и 1835 годах. И хотя история, написанная Хаммером, основана на восточных источниках, это во многом трактат на все времена – предостережение от «пагубного влияния тайных обществ... и... чудовищного искажения религии до ужасов необузданного честолюбия». Для него ассасины были «объединением самозванцев и жертв обмана, которые под маской более аскетической веры и более жесткой нравственности подрывали всю религию и всю мораль, были орденом убийц, от кинжалов которых пали правители разных стран; и этот орден всемогущ, потому что на протяжении трех веков его боялись все, пока этот притон головорезов не рухнул вместе с халифатом, уничтожить который как центр духовной и светской власти он дал клятву с самого начала и под руинами которого сам и был погребен». На тот случай, если кто-то из читателей не понял сути, Хаммер сравнивает ассасинов с тамплиерами, иезуитами, иллюминатами, масонами и убийцами короля из Национального конвента Франции. «Как на Западе революционные общества возникали из лоно масонства, так и на Востоке ассасины отпочковались от исмаилитов. Безумие просветителей, которые полагали, что простым проповедованием они могут избавить народы от защиты и попечения их правителей и направляющей руки практической религии, самым ужасным образом проявилось в результатах Французской революции так же, как в Азии – во время правления Хасана II».

Книга Хаммера оказала очень сильное воздействие на умы и на протяжении почти полутора веков была главным источником широко распространенного образа ассасинов. Тем временем научный поиск продолжался, особенно во Франции, где шла большая работа по обнаружению, редактированию, переводу и использованию арабских и персидских текстов, имеющих отношение к истории исмаилитов в Сирии и Персии. Среди самых важных были труды двух персидских историков монгольского периода – Джувеини и Рашид ад-Дина; оба они имели

доступ к документам исмаилитов из Аламута и, используя их, получили возможность составить первый связный рассказ о государстве исмаилитов в Северной Персии.

Важный шаг вперед стал возможен благодаря появлению материалов нового рода. Использование мусульманских источников многое добавило к знаниям, полученным из средневековых европейских произведений, но и они имели в основном суннитское происхождение. И хотя мусульмане были лучше информированы, чем западные хронисты и путешественники, они, возможно, даже еще враждебно относились к вероучению и целям исмаилитов. Теперь впервые на свет божий вышла информация, которая напрямую отражала точку зрения самих исмаилитов. Уже в XVIII веке путешественники отмечали, что в некоторых деревнях в Центральной Сирии все еще живут исмаилиты. В 1810 году генеральный консул Франции в Алеппо по фамилии Руссо, поощряемый Сильвестром де Саси, опубликовал очерк о современных ему сирийских исмаилитах, включив в него географические, исторические и религиозные данные. Источники не указаны, и, по-видимому, они были местными и устными. Сам Сильвестр де Саси снабдил его некоторыми дополнительными поясняющими комментариями. Руссо стал первым европейцем, который привлек таких местных информаторов и впервые привез в Европу обрывки сведений, полученных от самих исмаилитов. В 1812 году он опубликовал отрывки из книги исмаилитов, которую раздобыл в Масьяфе – одном из главных центров исмаилитов в Сирии. И хотя в ней содержится мало исторических данных, она проливает некоторый свет на религиозные догматы этой секты. В Париж нашли дорогу и другие тексты из Сирии; там они и были позднее опубликованы. В XIX веке ряд европейских и американских путешественников посещали деревни исмаилитов в Сирии и коротко сообщали о развалинах и их обитателях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.